

Глава 6. Убей меня!

Проливной дождь хлестал всю ночь напролет. Шумные потоки начисто смыли запекшуюся кровь с дорог и трактов, и лишь к рассвету ливень наконец утих.

С ним ушла и удушливая жара — в столицу незаметно пришла осень. Прохладный ветер долго кружил в воздухе пожелтевший лист, пока тот не опустился на узорный карниз одного из величественных дворцов Императорского города.

Великолепный чертог плотным тройным кольцом окружили воины Гуйжун. Стражи замерли на постах, напряженные и безмолвные, будто охраняли величайшее сокровище государства.

Руки Шэнь Чжиюя были заломлены за спину и туго стянуты грубой веревкой. Кожаный узел скрепляла тяжелая черная цепь; другой ее конец обвивал массивную колонну, обрекая пленника на неподвижность в узком углу.

Шэнь Чжиюй бессильно склонил голову на край ложа. Его пустой, безжизненный взгляд застыл на дрожащем огоньке свечи. Блики пламени плясали на его лице, но даже они не могли оживить поблекшую киноварную родинку на его веке.

Вчера Юань Чэ не дал ему ни секунды на оправдания. Он даже не приказал обыскать его — просто велел связать и швырнуть на спину черного волка. Почти сразу появился Елюй Лу. Дождь хлестал по лицам, заглушая слова, и Шэнь Чжиюй так и не расслышал приказов Юань Чэ. Он лишь видел, как помрачнели воины.

В тот миг Юань Чэ до жути напоминал того безжалостного императора, каким ему суждено было стать через семь лет.

Тяжелые двери со скрипом распахнулись. Ворвавшийся в полумрак солнечный свет очертил силуэт вошедшего.

Юань Чэ выглядел мрачным и уставшим. Он остановился всего в шаге от Шэнь Чжиюя.

Этот человек, некогда всесильный канцлер Поднебесной, перед которым трепетали тысячи, даже оказавшись в столь жалком положении, отказывался склонить свою гордую голову. Он так и не научился смирению, не понял, как нужно выживать.

«Поистине невыносим», — подумал Юань Чэ.

— Шэнь Чжиюй, — Юань Чэ впервые заговорил с ним столь ледяным тоном. — Ты по-прежнему молчишь?

— Мой выбор прежний, — хрипло отозвался Шэнь Чжияй. — Я, Шэнь Чжияй, предан лишь своему государю. И никто иной этого не достоин.

Эти слова безжалостно разорвали последние нити былой привязанности, окончательно развеяв остатки прежней близости. Они стали непримиримыми врагами.

— Другие, значит, не достойны? — Глаза Юань Чэ налились багровой яростью. — Какая непреклонность. Впрочем, именно за эту гордость ты мне и приглянулся.

В следующий миг Юань Чэ грубо схватил Шэнь Чжияя за волосы на затылке, заставив поднять голову и посмотреть себе в глаза. В его облике сквозила безумная жестокость, но во взоре заиграло мрачное торжество:

— Вот только мне куда больше нравится ломать таких гордецов. Ломать кость за костью, медленно любуясь их предсмертными судорогами.

— Хочешь, чтобы я поступил так с тобой?

— Как тебе угодно.

— Отлично. Ты сам сделал этот выбор.

Снаружи послышался нестройный гул шагов. Солдаты Гуйжун заставили войти уцелевших столичных сановников — цвет некогда великой империи — и опустили их на колени. У горла каждого замерли острые клинки; одно неверное движение — и хлынет кровь.

Шэнь Чжияй вздрогнул. На его бледном лице отразился ужас.

— Что ты задумал?!

Юань Чэ опустился на ложе рядом с Шэнь Чжияем, бесцеремонно притянул его за плечи, заставив сидеть смирно, и устремил тяжелый взгляд на коленопреклоненных пленников.

— Наш господин канцлер упорствует в своем неповиновении, что крайне меня утомляет. Придется вам, господа, немного ему помочь, — Юань Чэ повысил голос, обращаясь к толпе. — Пусть ваши отрубленные головы сделают его сговорчивее!

Шэнь Чжияй похолодел от ужаса: этот безумец готов был вырезать даже тех, кто уже признал его власть!

В зале поднялся невообразимый шум. Охваченные паникой чиновники закричали, забились в

путах. Лезвия мечей прижались плотнее, оставляя на шеях тонкие алые полосы.

Лишь единицы, готовые принять смерть, яростно осыпали Юань Чэ проклятиями, обзывая его немытым варваром. Большинство же молили о пощаде.

— Спасите... Помогите!

— Я не хочу умирать! Не надо!

Один из седовласых министров, отталкивая соседей, подполз на коленях ближе и забился лбом о холодный камень у ног Шэнь Чжиюя:

— Господин канцлер! Мои кости уже стары, мне не жаль жизни! Но моему внуку едва исполнилось шесть лет... Всего шесть лет! Умоляю вас, скажите ему то, что он хочет! Ради богов, спасите дитя!

— Пощадите нас, господин канцлер...

Довольный их реакцией, Юань Чэ небрежно перебирал растрепавшиеся пряди волос Шэнь Чжиюя, вкрадчиво нашептывая ему на ухо:

— Слышишь? Он прав. Все решит одно твое слово.

Это признание прозвучало как спасительная соломинка. Обезумев от надежды, пленники наперебой бросились молить своего бывшего главу:

— Господин канцлер, у моего сына жена на сносях! Сын глуп, у него нет ни чина, ни ремесла. Если меня казнят, они пойдут по миру и сгинут от голода!

— Мои престарелые родители отдали последнее, чтобы вывести меня в люди! Я еще не успел исполнить сыновний долг...

— Господин канцлер...

Шэнь Чжиюй не мог отвести взгляда от плачущей толпы. Отовсюду доносились крики, мольбы, причитания; его сердце бешено колотилось в груди. Он в отчаянии повернулся к мучителю:

— Они не замыслили против тебя зла! Зачем тебе их кровь?!

— Так скажи то, что я требую! — оборвал его Юань Чэ. — Открой, где прячется младший принц, или пообещай, что отныне будешь беспрекословно повиноваться мне!

Шэнь Чжиюй лишь крепче стиснул зубы, не проронив ни звука.

— Так ты действительно готов смотреть, как их вырежут? — Юань Чэ окончательно потерял терпение. — Шэнь Чжиюй! Я и представить не мог, насколько ты бываешь безжалостен... или насколько велика твоя преданность прежнему господину?!

Каждое его слово ранило более острого клинка.

— До чего же благородный муж! Пожертвовать всем ради своего никчемного императора... Во всей Поднебесной не сыскать слуги вернее! Да даже последняя дворняга знает, кому служить!

Они застыли в глухом противостоянии: один исступленно пытался подчинить своей воле чужую душу, другой был готов принять смерть, но не поступиться верностью.

Никто не желал уступать.

Шэнь Чжиюй зажмурился, надеясь, что темнота уберет его от кошмара наяву.

Вдруг Юань Чэ тихо и злобно рассмеялся. Он разжал пальцы, выпуская волосы пленника, и произнес обманчиво спокойным тоном:

— Что ж... Видно, без чужой крови ты не станешь послушным.

— Нет...

Шэнь Чжиюй судорожно рванулся, пытаясь высвободить связанные за спиной руки. Он хрипло, часто дышал. Родинка на его веке совсем поблекла, став пепельно-серой.

— Стой! Не трогай их!

Юань Чэ даже не взглянул на него. Взяв у подбежавшего воина тяжелую саблю, он медленно спустился по ступеням. С холодным любопытством оглядев съжившихся людей, он грубо схватил за ворот дряхлого старика.

— Этот старик, кажется, причитал громче всех. Начнем, пожалуй, с него.

Осознав, что Юань Чэ не шутит, Шэнь Чжиюй рванулся вперед, позабыв о цепи. Железные звенья натянулись, сбили его с ног, и он повалился на каменный пол. От непереносимой боли и отчаяния его обычно тихий, мягкий голос сорвался на истошный крик — первый за долгие годы:

— Не убивай его!!!

— С какой стати мне тебя слушать? — прорычал Юань Чэ. — В каком ты положении, чтобы умолять меня?!

Шэнь Чжияй, дрожа всем телом, поднял на него полные слез глаза:

— Если хочешь выместить злость — убей меня! Просто убей!

— Думаешь, я позволю тебе умереть вместо них? — усмехнулся Юань Чэ. — Очнись, Шэнь Чжияй! Посмотри на себя. Ты обречен. Отныне ты не сможешь ни жить, ни умереть по собственной воле.

«Ни жить, ни умереть по собственной воле...»

Эти слова иглой вонзились в самую глубь его души. Шэнь Чжияй вдруг осознал всю горькую правду: таков его удел. Наверное, в прошлой жизни он прогневал богов или само пекло побрезговало его оскверненной душой. Семь лет невыносимых мук в прошлом круге перерождений завершились смертью, но вместо долгожданного покоя колесо сансары выплюнуло его обратно — проходить этот ад заново.

Им овладела смертная усталость.

Он лежал на холодном полу, не в силах подняться, и никто в зале не смел протянуть ему руку. Старые раны ныли, новые кровоточили, хрупкие плечи вздрагивали от рыданий, которые внезапно переросли в дикий, безумный смех.

Этот жуткий смех заставил Юань Чэ вздрогнуть. На миг перед его глазами вспыхнули воспоминания о последних днях их прошлой жизни. Но отступить было поздно. Подавив мимолетную слабость, он притянул несчастного старика за шиворот и швырнул прямо к ногам Шэнь Чжияя.

— Говори!

— Ты знаешь, чего я жду! — Юань Чэ навис над ним, требуя ответа. — Жизнь этого ничтожества в твоих руках! Хочешь, чтобы он жил?!

Смех оборвался. Взгляд Шэнь Чжияя сделался мертвым, как стоячая вода в заброшенном колодце.

— Я... согласен.

— Я покоряюсь вам. И отныне... признаю вас своим владыкой.

С последним словом силы окончательно покинули его. Шэнь Чжияй бессильно повалился на бок. Лишь едва заметное движение грудной клетки говорило о том, что в этом истощенном теле еще теплится жизнь.

Юань Чэ получил то, чего так страстно желал, но победа не принесла ему радости. В груди разлилась тупая, давящая боль.

В этой схватке проиграли оба.

Юань Чэ молча смотрел на поверженного канцлера, а затем развернулся и стремительно вышел вон.

Вскоре солдаты увели полуживых от страха чиновников. Слуги торопливо сменили запачканные кровью ковры. Пришедшие лекари бережно перенесли Шэнь Чжияя на ложе, перерезали грубые веревки на запястьях и отперли тяжелые замки цепей ключом, который оставил Юань Чэ.

Весь следующий день Юань Чэ не появлялся.

Шэнь Чжияю приносили изысканные яства, но он не прикоснулся ни к чему. Желудок спазмировало от тошноты, и он понимал, что любая еда тотчас попросится обратно.

К ночи у него начался сильный жар.

В полузабытьи ему казалось, будто Юань Чэ сидит рядом и тихо шепчет:

«Я снова восхожу на трон...»

«У тебя и так слабое здоровье, зачем же ты губишь себя? Поправляйся скорее...»

«Ты не должен винить меня. Ты сам во всем виноват — не хотел подчиняться, вот и вынудил меня пойти на крайность...»

Очнулся Шэнь Чжияй от доносившегося снаружи торжественного гула. Лихорадочный сон отступил, сменившись ощущением пустоты в желудке. Но стоило ему потянуться к чаше с теплой кашей, как двери распахнулись и в покои ввалился Юань Чэ — в парадном императорском облачении и мертвецки пьяный.

Шэнь Чжияй замер.

«Ах да, сегодня ведь день его восшествия на престол...»

Никто в Поднебесной не посмел бы напоить новоиспеченного императора на его собственной коронации. Он сделал это сам.

Хмель вернул Юань Чэ прежнюю юношескую бесшабашность. Мутным взором обведя комнату, он отыскал взглядом Шэнь Чжиюя, шагнул к нему и крепко, до хруста в ребрах, сжал в объятиях. Запинаясь и путая слова, он пробормотал:

— Останься со мной... Не думай ни о ком больше. Обещаю, я больше никогда не буду злиться на тебя, ладно?

Рука Шэнь Чжиюя дрогнула.

Он посмотрел на беззащитно уткнувшегося ему в плечо юношу. В его глазах застыл смертный холод.

Когда Юань Чэ отрезвел от резкой боли и распахнул глаза, он увидел, как тонкая серебряная нить — оружие, которое он сам когда-то подарил Шэнь Чжиюю, — обвивает бледные пальцы канцлера и уходит глубоко в его собственный живот. По рукам Шэнь Чжиюя стекали горячие алые струи.

Боль была невыносимой.

Но рана ли была тому виной?

— А сам как думаешь? — тихо спросил Шэнь Чжиюй.

— Значит, не хочешь... — Юань Чэ горько усмехнулся. Перехватив ладонь Шэнь Чжиюя, он прижал ее к своей левой груди. — Так меня не убить. Целься сюда.

— Я знаю, — Шэнь Чжиюй высвободил пальцы и хладнокровно оттолкнул его от себя.

— Ничего ты не знаешь, — пробормотал Юань Чэ. Даже его крепкое тело не могло справиться с подступающей слабостью от потери крови. Он без сил опустился на пол, прижавшись спиной к ножке стола, и проводил взглядом Шэнь Чжиюя, который уже шел к выходу. — Все-таки уходишь?

— Да, — бросил тот через плечо.

И ушел, ни разу не обернувшись.

<http://bllate.org/book/20512/2112118>